

У. ЛЕМАН

Н. М. КАРАМЗИН И В. ФОН ВОЛЬЦОГЕН

Автор «Писем русского путешественника» оставил нам описания многих замечательных эпизодов. К ним в первую очередь относятся встречи с современниками. Здесь мы находим, например, два следующих места: 1) «Однажды на Королевском мосту две цветочницы остановили меня с бароном В*....».¹ 2) «Прости, любезный Париж! Прости, любезный В*! Мы родились с тобою не в одной земле, но с одинаким сердцем; увиделись и три месяца не расставались. Сколько приятных вечеров провел я в твоей Сен-Жерменской отели, читая привлекательные мечты единоземца и соученика твоего Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свете, или судя новую комедию, нами вместе виденную! Не забуду наших приятных обедов за городом, наших ночных прогулок, наших рыцарских приключений и всегда буду хранить нежное, дружеское письмо твое, которое тихонько написал ты в моей комнате за час до нашей разлуки. Я любил всех моих земляков в Париже, но единственно с тобою и с Б* мне грустно было расставаться. К утешению своему думаю, что мы в твоём или моём отечестве можем ещё увидеться, в другом состоянии души, может быть, и с другим образом мыслей, но равно знакомы и дружны».²

П. Н. Беркову, который в сотрудничестве с Г. П. Макогоненко подготовил новейшее издание сочинений Карамзина, принадлежит заслуга раскрытия сокращения «Барон В.». Тут имеется в виду Вильгельм фон Вольцоген.³ Очень точное указание Карамзина «единоземец и соученик Шиллера», которое, между прочим, в немецком переводе «Писем» заменяется словами «единоземец и товарищ молодости» («Jugendfreund»), в то время соответствовало истине. Позже Вольцоген породнился с Шиллером.

¹ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, изд. «Худ. литература», М.—Л., 1964, стр. 439—440.

² Там же, стр. 507—508.

³ См.: там же, стр. 800, прим.

«Путешествующий русский», как Карамзина называли в Европе, познакомился в Париже, где он получил столько замечательных впечатлений, с веймарским придворным советником Вильгельмом фон Вольцогеном, человеком широких умственных и культурных интересов. «Барон В.», как свидетельствует его переписка с будущей супругой Каролиной фон Ленгефельд,⁴ предпринял путешествие по Франции с целью усовершенствовать свое образование, в частности познания в архитектуре. Завязанная в Париже дружба, которую Карамзину хотелось сохранить, имела, как мы попытаемся показать, последствия, интересные для литератур обеих наций. К сожалению, до сих пор этот вопрос еще не привлекал должного внимания.

Перед поездкой в Париж, 6 декабря 1787 г., Вольцоген катался по заснеженному Тюрингскому лесу со своим другом Шиллером и получил от него совет начать свое знакомство с Парижем уже в Веймаре. Вольцоген согласился и, со своей стороны, предложил прежде отправиться в город Рудольштадт, где живут его «необычайно умные» родственницы.⁵ Речь шла о сестрах фон Ленгефельд. Старшая из них, Каролина, позднее вышла замуж за Вольцогена, а Шиллер, как известно, женился на младшей, Шарлотте. За первой встречей Шиллера с сестрами Ленгефельд последовало множество других, во время которых велись интереснейшие разговоры о литературе и искусстве. Разумеется, Карамзин ничего не знал об этом, когда задумывал парижские главы «Писем». Точно так же он не знал и о переписке Вольцогена с Каролиной.⁶ Вольцоген не раз жаловался, что интересы двора нередко заставляли его поступаться своими личными интересами. Судя по камер-фурьерским журналам, Вольцогена то и дело без предупреждения отправляли по делам веймарского двора в другие города, и ему приходилось проводить там целые месяцы. Вольцоген был отправлен в Петербург, чтобы представить веймарский двор на похоронах Павла I и выразить соболезнование гроссгерцога по случаю смерти императора. Известие о смерти царя дошло до Веймара 6 апреля 1801 г. Уже 8 апреля Вольцоген был в дороге. Вернуться на родину ему удалось только 23 ноября.⁷ В результате этой поездки он получил звание «обергофмейстера» (старшего придворного советника) и место в Тайном совете⁸ — что, конечно, улучшило его материальное положение. Уже во время пребывания

⁴ См.: Goethe-Schiller-Archiv Weimar (GSA): Schiller, XLI, 13; см. также: Literarischer Nachlass der Frau Caroline von Wolzogen. 2 Bände, hrsg. von K. Hase, Leipzig, 1867.

⁵ R. Newald. Von Klopstock bis zu Goethes Tod. — In: Geschichte der deutschen Literatur, Bd. 6, T. 1. von H. de Boor und R. Newald, München, 1957, 5, 321—322.

⁶ См.: GSA, Schiller, XLI, 13.

⁷ См.: Thüringisches Landeshauptarchiv, Hausarchiv, Abt. E, № 49, Fourierbuch für das Jahr 1801.

⁸ См.: там же. Запись от 23 ноября 1801 г.

в России Вольцоген начал подготавливать брачный союз между наследником великого герцога Карлом-Фридрихом и великой княгиней Марией Павловной. Ему удалось вызвать интерес русского двора к этому плану.⁹ В то же самое время он сумел оказать ряд ценных услуг Гете, Шиллеру, Гердеру и другим поэтам. В лице Фридриха Максимилиана Клингера он нашел человека, который с живым интересом воспринимал все известия и новости из Веймара и — по своему общественному положению — мог решительным образом содействовать проникновению идей и произведений немецких писателей в Россию. Занимая в России высокий пост,¹⁰ Клингер имел возможность передавать двору все новые поступления из Веймара. Можно было бы сказать еще очень много об отношениях Вольцогена с этим человеком, имевшим большие заслуги в деле распространения немецкой литературы в России. Мы указываем только на тот факт, что старая дружба Клингера с Гете обновилась именно благодаря Вольцогену. Еще 26 августа 1801 г. Клингер передал русскому коллежскому советнику фон Беку рекомендательное письмо к Гете.¹¹ Бек по возвращении в Петербург, по-видимому, очень положительно отзывался о Веймаре и молодом наследнике Карле-Фридрихе.

Отношения Вольцогена с русскими культурными деятелями оказались весьма полезными и для Шиллера: Вольцоген снабдил его материалами о «смутном времени», в частности о Лжедмитрии.¹² Как известно, Шиллер в этот момент вел напряженную работу над «Димитрием». В связи с этим Вольцоген обратил его внимание на трагедию «Димитрий Самозванец» Сумарокова, сыгравшую значительную роль в литературе XVIII в.¹³ Шиллер очень торопился с окончанием своей трагедии, так как намеревался поставить ее к приезду в Веймар Марии Павловны.¹⁴ Однако, как известно, смерть не позволила Шиллеру осуществить этот замысел.

Во время своего первого пребывания в России, в начале века, Вольцоген почувствовал всю силу дружбы и сердечности Карамзина, который неоднократно обращался к нему с письмами, написанными в духе парижских встреч. Именно Карамзин оказался

⁹ См.: *Literarischer Nachlass*, Bd. 2, стр. 148—149; см. также особенно письмо Вольцогена от 18 августа 1803 г., в котором он сообщает о совещании с канцлером Воронцовым.

¹⁰ О. Смолян в своей книге о Клингере прекрасно анализирует его русские связи (см.: О. Smoljan. *Friedrich Maximilian Klinger*. Berlin, 1961).

¹¹ См.: M. Rieger. *Friedrich Maximilian Klinger. Sein Leben und seine Werke. Briefbuch*. Darmstadt, 1896, стр. 54.

¹² См.: E. Lachmann. *Die Natur des Demetrius*. Lüneburg, 1940, стр. 3. Здесь указана вся известная до сих пор литература о Димитрии на немецком языке.

¹³ См.: *Literarischer Nachlass*, Bd. 2, письмо Вольцогена от 25 мая 1804 г.

¹⁴ См.: *Friedrich von Schillers auserlesene Briefe in den Jahren 1781 bis 1805*. Bd. 3. Zeitz, 1835, стр. 316.

активной стороной в их переписке, именно он определил направление переписки. Знакомство Карамзина с Лафатером, а затем переписка с ним по поводу распространения его идей в России открыли путь к более широкой известности произведений самого Карамзина в Западной Европе. Благодаря «Письмам русского путешественника» имя русского автора заняло видное место во многих ведущих европейских журналах.

В переписке с Вольцогеном Карамзин обсуждал немецкие переводы своих произведений (были переведены его стихотворения, отрывки из «Писем» и, наконец, собрание сочинений). Особенно удачными оказались переводы, сделанные Иоганном-Готфридом Рихтером, которыми и сейчас пользуются при издании сочинений Карамзина.¹⁵ В письме к Вольцогену от 25 июня 1799 г. Карамзин откровенно говорит о том, что немецкий перевод первых четырех частей «Писем» доставил ему большое удовольствие: «Lisez-vous le Spectateur du Nord? Dans la première année de ce journal dans le cahier d'octobre on parle de mon voyage; et vous trouvez aussi des citations. Un certain Richter en a traduit en allemand les quatre premiers volumes, qui, à ce qu'on m'a dit, s'impriment à Leipsick; mais ce n'est pas mon meilleur ouvrage. Depuis quelque temps je ne fais que de vers et de plans pour des ouvrages en prose».¹⁶

Из скромности Карамзин не хочет называть «Письма» своим лучшим произведением; тем не менее его весьма интересует перевод. В. И. Кулешов ошибается, утверждая, что Карамзин почти не упоминает в переписке имени своего немецкого переводчика.¹⁷ Как известно, Каролина фон Вольцоген указывала, что ее муж, по желанию Карамзина, просил наградить Рихтера каким-либо веймарским титулом, и эта просьба была выполнена.¹⁸ Кроме того, после появления второй части «Писем» на немецком языке,¹⁹ Карамзин просил Вольцогена «поинтересоваться» переводчиком: «Intéresser un peu pour lui . . . C'est un savant distingué, et les journaux allemands ont rendu justice à l'élégance de son style».²⁰

Карамзин говорит о своем намерении представить Рихтера русскому двору; он считает также, что хорошо было бы перевести стихи Рихтера в честь Екатерины II.²¹ Со своей стороны, Вольцог-

¹⁵ Перевод «Писем», сделанный И.-Г. Рихтером, был взят за основу в издании Рюттена и Лёнинга (Verlag Rütten und Loening, Berlin, 1959). Этот перевод по существу до сих пор представляет собой единственный авторитетный немецкий текст.

¹⁶ Literarischer Nachlass. . . , Bd. 2, стр. 421—422.

¹⁷ См.: В. И. Кулешов. Литературные связи России с Западной Европой. . . , М.—Л., 1965, стр. 254. Здесь излагаются также ценные результаты исследований по истории знакомства немцев с Россией в XIX в.

¹⁸ На этот факт указывает также М. Ригер в примечании к письму Клингера к Вольцогену от 14 апреля 1803 г. См.: Briefbuch. . . , стр. 68.

¹⁹ См.: Literarischer Nachlass. . . , Bd. 2, стр. 426.

²⁰ Там же.

²¹ См.: там же.

ген, согласно парижской традиции, продолжает указывать Карамзину на новые произведения Шиллера. Летом 1801 г. Карамзин сообщал Вольцогену, что познакомился с «Geisterseher» Шиллера и занимается «tant autres productions de votre littérature» (т. е. немецкой, — У. Л.).²² Об этих занятиях свидетельствуют также многочисленные переводы с немецкого, помещенные в карамзинских журналах. Карамзин хотел, чтобы Вольцоген ближе узнал «русскую душу». Умудренный опытом путешественник, Карамзин считал, что, знакомясь с каким-либо народом, надо стремиться понять его «душу». Желая помочь в этом Вольцогену, он пригласил его приехать из Петербурга к себе в Москву. Карамзин проектировал, как они с Вольцогеном поговорят о мировой политике и выкурят по трубке. «Venez, mon cher Baron, venez, c'est à Moscou que vous verrez le vrai peuple russe et notre physionomie nationale».²³

В переписке друзей приняла участие и жена Карамзина. В одном из писем 1804 г. Карамзин с сожалением сообщает, что ее нет в Москве и потому она сейчас не может сама написать Вольцогену.

Важные события того времени, особенно в области литературы, равным образом занимали обоих корреспондентов. Смерть Гёрдера и Канта поразила Карамзина. Он считал, что ему выпало большое счастье знать их обоих лично («...de les avoir vus tous les deux, et je conserverai leur image au fond de mon âme»).²⁴

Подведем итоги. Вольцоген и Карамзин сблизились в эпоху, очень важную в истории русско-немецких литературных отношений. Оба они содействовали дальнейшему развитию и углублению связей между писателями обоих народов. Благодаря Вольцогену сочинения Карамзина приобрели более широкий круг немецких читателей и справедливо завоевали их высокую оценку.

²² Там же, стр. 424.

²³ Там же, стр. 425.

²⁴ Там же, стр. 435.